

ХРАМ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА В ХАКОДАТЕ В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА (1856–1865)

Андрей Николаевич Степанов

Магистр теологии, выпускник аспирантуры ПСТГУ,

преподаватель-исследователь, соискатель степени кандидата теологии (Россия)

andamer@rambler.ru

DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_129

Аннотация: Статья посвящена миссионерскому значению первого православного храма в Японии, построенного при российском консульстве в Хакодате в 1859 г. На основе архивных документов освещена деятельность консульского священника (1856): осуществление религиозных потребностей членов Миссии, окормление команд военных и коммерческих судов, изучение японских религий и наблюдение за миссионерской деятельностью католиков и протестантов для дальнейшего распространения Православия. Раскрывается ответ на вопрос, как зародилась идея консульского и одновременно миссионерского храма и какие действия были предприняты для ее реализации российскими императорами (Николаем I и Александром II), государственными органами (Амурским комитетом, Азиатским департаментом МИД, Морским министерством, Обер-прокурором, членами Святейшего Синода). Показано место консульского храма в системе других посольских церквей и преемственность в миссионерском служении его первых священников. Обосновывается преемственность между дипломатической деятельностью Е. В. Путятин и миссионерской миссией русского консула И. А. Гошкевича и молодого иеромонаха Николая (Касаткина).

Ключевые слова: русско-японские отношения, внешняя политика России в Восточной Азии, миссионерство, церковно-государственные отношения, Православие, зарубежные миссии Русской Церкви, консульские церкви.

Для цитирования: Степанов А. Н. Храм Воскресения Христова в Хакодаде в контексте дипломатической деятельности русского консульства (1856–1865) // Сретенское слово. Москва: Изд-во Сретенской духовной академии, 2024. № 2 (10). С. 129–154. DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_129

THE CHURCH OF THE RESURRECTION OF CHRIST IN HAKODATE IN THE CONTEXT OF THE DIPLOMATIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN CONSULATE (1856–1865)

Andrey Nikolaevich Stepanov

*Master of Theology, research teacher, graduate of the Theological Faculty
of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities (Russia)*
andamer@rambler.ru

DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_129

Abstract. The article is devoted to the missionary significance of the first Orthodox church in Japan, built at the Russian consulate in Hakodate in 1859. On the basis of archival documents, the functions of the consular priest (1856) are given: fulfilling the religious needs of Mission members, caring for members of the commands of military and commercial ships, studying Japanese religions and observing the missionary activities of Catholics and Protestants for the further spread of Orthodoxy. The answer to the question is revealed how the idea of a consular and at the same time a missionary temple originated and what actions were taken to implement it by the Russian emperors (Nicholas I and Alexander II), state bodies (Amur Committee, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, Maritime Ministry, Chief Prosecutor, members of the Holy Synod). The place of the consular temple in the system of other embassy churches and the continuity in the missionary service of its first priests are shown. The continuity between the diplomatic activity of E. V. Putyatin and the missionary activity of the Russian consul I. A. Goshkevich and the activities of the young hieromonk Nikolai (Kasatkin) is substantiated.

Keywords: Russian-Japanese relations, Russian foreign policy in East Asia, missionary work, church-state relations, Orthodoxy, foreign missions of the Russian Church, consular churches.

For citation: *Stepanov A. N. The Church of the Resurrection of Christ in Hakodate in the context of the diplomatic activity of the Russian Consulate (1856–1865) // Sretensky Word. Moscow: Sretensky Theological Academy Publ., 2024. № 2 (10). Pp. 129–154. DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_129*

Вторая половина XIX в. в истории Японии ознаменовалась открытием не только европейской культуры, науки, торговли, но и религии. Японцы с интересом изучали христианские вероисповедания, по всей стране строились и открывались здания церквей, японцы принимали католичество, протестантизм и Православие. Когда в 1891 г. в Токио был освящен кафедральный православный собор в честь Воскресения Христова, мало кто из современников помнил о том, с чего начиналась история Православия в Японии. Между тем небольшая церковь в Хакодате, городе на о. Хоккайдо, неслучайно носила такое же название — Воскресения Христова. Именно в этом храме, тогда еще деревянном, начинал свое священническое и миссионерское служение молодой иеромонах Николай (Касаткин)¹. Именно в этом храме были крещены первые японцы, и именно из этого храма начинались первые, тогда еще тайные, миссионерские поездки по стране.

Первый православный храм в Японии был освящен при русском консульстве в 1859 г. В 1872 г. в Токио открылось посольство Российской империи, и храм в Хакодате передали японским христианам. Сами японцы называли его «Ган-Ган дэра» (Храм «Бом-Бом») [Саблина 2006: 166].

В большинстве исследовательских работ консульская церковь в Хакодате не рассматривалась в качестве миссионерского центра [Файнберг 1960; Хохлов 1994; Кадзухико 1998; Боголюбов 2004; Ермакова 2005; Мещеряков 2009; Черевко 2010] либо рассматривалась в рамках деятельности святителя Николая Японского [Накамура 1983; Павлович 2008; Гавриков 2012 и др.]. Также исследователи подробно рассказывают о выборе равноапостольным Николаем (Касаткиным) миссионерского и монашеского

¹ В 1907 г. деревянный храм сгорел и был восстановлен из камня в 1916 г.

пути [Боголюбов 2004 и др.]. Однако проблематика церковно-государственных отношений, как правило, историками игнорировалась, кроме архимандрита Августина (Никитина) (2002), Кузнецова (2009), Куликова (2011), Сосны (2019), Обуховой (2019).

Другие исследователи делали акцент на «исторических условиях основания Российской духовной миссии в Японии», понимая под ними установление дипломатических и торговых связей между двумя странами, для чего необходимо было «открытие русского консульства» в 1859 г. [Зенина 1996: 23]. Третьи кратко сообщали о русском консуле И. А. Гошкевиче, построившем храм «для русской колонии и посещавших порт моряков» [Иванова 1990: 194], о первых настоятелях консульской церкви — о Василии Махове и 24-летнем иеромонахе Николае (Касаткине) [Иванова 1996: 12]. «В ее внутреннем убранстве византийский иконостас сочетался с соломенными циновками-татами, устилавшими пол, как в буддийском храме, — пишет Иванова. — При церкви действовали классы русского языка, открылся лазарет, со временем неподалеку возникло Иностранное кладбище, где нашли свой последний приют псаломщик В. Л. Сартов, жена консула Гошкевича Елизавета, несколько матросов с русских кораблей» [Иванова 1996: 12].

О миссионерском значении храма упоминает ряд исследователей. О. В. Шаталов говорит о первых обращенных японцах, о проекте святителя Николая сделать консульский храм «одним из четырех миссионерских станов учреждаемой миссии во главе со священником-миссионером» [Шаталов 1996: 31]. Э. Б. Саблина пишет о миссионерском назначении консульского храма и о такой же роли его первых настоятелей [Саблина 2006: 36–37]. Освещающая деятельность иеромонаха Николая в Хакодате, исследователь начинает с описания дипломатической экспедиции Е. В. Путятина и ее результатов в виде заключения Симодского договора, затем излагает краткую биографию И. А. Гошкевича, упоминает о его роли в качестве архитектора и ктитора посольской церкви во имя Воскресения Христова.

Отдельный интерес представляют публикации священника Николая Щеглова. В 2015 г. в журнале «Церковь и время» выходит его статья «Иосиф Гошкевич — востоковед, миссионер и дипломат» [Щеглов 2015]. В ней автор подробно анализирует архивные, в т. ч. ранее неопубликованные материалы, воспоминания современников и работы предшественников. Автор статьи справедливо отмечает миссионерский характер деятельности пер-

вого русского консула. В 2017 г. священник Николай Щеглов публикует статью о протоиерее Василии Махове как первом настоятеле Воскресенского храма в Хакодате [Щеглов 2017]. В 2024 г. вышла наша статья, посвященная исследованию миссионерской деятельности (школа и больница) первого русского консульства [Степанов 2024].

Между тем при многочисленных достоинствах рассмотренных исследований в них недостаточно раскрыто миссионерское значение консульского храма. В полной мере не освещено, как зародилась идея консульского храма и какие действия были предприняты для ее реализации. Не дана оценка роли российских императоров (Николая I и Александра II) и государственных органов (Амурского комитета, Азиатского департамента МИДа, Морского министерства, Обер-прокурора, Святейшего Синода и др.) в деле распространения Православия в Японии, а также их роли в назначении первых священников-миссионеров в эту страну. Ставились ли миссионерские задачи на раннем этапе формирования дипломатической миссии в Японии и какое место в них занимал консульский храм в Хакодате? Можем ли мы усмотреть в его строительстве начало миссионерской деятельности? Не показано место консульского храма в системе других посольских церквей, не показана преемственность в миссионерском служении его священников. На эти вопросы мы постараемся дать ответ в своей статье.

Формирование консульской миссии

Согласно Симодскому договору, Япония разрешала России с 1856 г. назначать своего консула [Степанов 2022]. Не останавливаясь на достигнутом, русский дипломат Е. В. Путятин предлагал усилить штат консульства «образованными молодыми людьми, через посредство которых влияние России могло бы распространяться не только на одно японское правительство, но, по возможности, и на целую массу народа». Об этом он пишет сначала в рапорте к Великому князю Константину Николаевичу, потом в письме (октябрь — ноябрь 1856 г.) к его секретарю А. В. Головнину². Особое внимание, по его мнению, нужно обратить на выбор врача, астронома

² Головнин Александр Васильевич (1821–1886), сын вице-адмирала В. М. Головина, побывавшего в японском плену во время кругосветной экспедиции (1807–1814), действительный статский советник, секретарь Великого князя Константина Николаевича, главы Морского министерства.

и священника, пребывание которых в Японии не должно быть меньше пяти лет. Священник должен быть «из получивших звание магистра в одной из духовных академий». Далее в письме Путятин подробно обосновывает необходимость духовного лица в «отдаленном от христианского мира крае». Во-первых, он необходим «для религиозных потребностей самих членов Миссии», во-вторых, «для судов военных и коммерческих, которые будут посещать Японию». Наконец, «в обязанность священника может входить изучение различных верований, господствующих в Японии, с целью действовать впоследствии на распространение Христианства или по крайней мере наблюдать за стремлением других исповеданий водворять оные в этой языческой стране».

В качестве придания веса своему предложению граф Путятин приводит следующий аргумент. Он пишет о возможных политических последствиях миссионерской активности в Японии Католической церкви. «Можно быть уверенным, что немного пройдет времени, пока будут сделаны покушения католиками в этом направлении, и нет сомнения, что влияние той нации, которая первая успеет расположить Правительство или народ в пользу своего вероисповедания, будет преобладающим, — говорится в письме. — Во всяком случае, не будет излишним для наших политических связей с Япониею следить за тем, что в религиозном отношении будет предпринято другими нациями» [АВМФ. Ф. 410. Оп. 2–1. Д. 1074. Л. 76].

Политическое обоснование миссионерских задач — характерная особенность церковной политики графа Путьятина, прослеживаемая в этом письме и в последующих письмах к разным лицам. Так, в письме к Головнину он просит о содействии в этом вопросе перед Великим князем. При этом он верит, что сам князь сможет «употребить свое влияние на МИД», чтобы дать ход его инициативе. Как показывают другие документы, Великий князь Константин Николаевич переправил письмо министру иностранных дел А. М. Горчакову и просил уведомить его о возможности и своевременности «дать ныне ход предположению Графа Путьятина» (02.11.1856).

В ответном письме Горчакова не было конкретики по поводу данных предложений [Там же: Л. 78–79], однако к их рассмотрению вернулись на заседании Амурского комитета в январе 1858 г. [Щербина 2005: 75–76], когда рассматривался вопрос «о возможности хотя незначительного развития торговли нашей с Японией» [АВМФ. Ф. 410. Оп. 2–1. Д. 1536. Л. 1]. Сообщения Е. В. Путьятина изложены 25 октября / 6 ноября 1857 г. и зафиксиро-

рованы в журнале Амурского комитета от 30 января 1858 г. По его мнению, ввиду развивающихся отношений Японии с другими странами Россия не должна отставать в том, чтобы приобрести свое влияние на нее. Помимо необходимости безотлагательно начать торговлю, Путятин пишет об обучении языкам, наукам, искусствам, оказании медицинской помощи, которые должны быть возложены на священника, врача и морского офицера, чтобы тем самым «привязать к нам японцев» [Там же: Л. 7–10].

Комитет нашел соображения Путятина уместными и полезными. Должность священника была утверждена с жалованием 2500 руб. серебром, а его выбор предоставлен обер-прокурору Святейшего Синода. Все расходы (на содержание врача, офицера, больницы и школы) были отнесены на счет Морского министерства. Содержание и отправление духовного лица предполагалось возложить на обер-прокурора Святейшего Синода, если же он «не может учинить таковой расход, то Его Императорское Высочество соизволил изъявить согласие одного на счет Морского ведомства» [Там же: Л. 7–10].

Расширение состава консульства в Хакодате (со включением доктора, священника и морского офицера) приводило к увеличению финансирования более чем в два раза до 20–25 тыс. рублей в год³. Тот факт, что содержание священника и его отправка в Японию рассматривались особо, говорит о важности и нестандартности миссионерской задачи.

Часть денег должна была пойти на расходы по содержанию членов консульства, а часть на «строительство консульского дома, церковь, больницу, изучение языков, подарки и т. д.» [Куликов 2011: 177]. Участок, который японцы обязывались выделить для строительства консульства, должен был находиться в «приличном месте». Построенный на территории консульства, храм в таком случае должен был быть виден из любой точки города. Причем японским властям, как будет сказано в инструкции МИДа, выданной русскому консулу, не нужно было заранее сообщать «ни числа, ни рода предполагаемых построек» [Там же: 180].

На этом же этапе прот. Василий Махов⁴ предложил идею о строительстве храма в качестве отдельного здания, что также косвенно свидетельствует

³ Священник консульства должен был получать годовое жалование в размере 2500 рублей, доктор и морской офицер — по 3000 рублей, консул — 4900 рублей.

⁴ Отец Василий в качестве флотского священника сопровождал первую дипломатическую миссию вице-адмирала Е. В. Путятина в 1852–1855 гг.

о наличии миссионерских задач [Щеглов 2017: 150]. В «Докладной записке» он подробно описал, каким должен быть его интерпретер [Там же]. Для внутреннего устройства предполагалось использовать принадлежности из походного храма с одного из российских судов [Щеглов 2015: 254].

Итак, с самого начала миссия Путятина имела далеко идущие планы, которые включали в себя установление долгосрочных отношений с Японией. Не последнюю роль, по его мнению, в этом должен был сыграть религиозный фактор. В тоже время личный состав Амурского комитета (император, министры морского, военного, иностранного, финансового ведомств) предполагал немедленную реализацию его решений на всех уровнях.

Миссионерский характер консульского храма

Конец николаевского царствования и период после Крымской войны считается «самым блестящим временем» в истории русских заграничных духовных миссий, «когда церковнослужители при русских миссиях соединяли литературную, историческую, переводческую и научно-богословскую деятельность» [Кудрявцева 2017: 15]. Во время правления Николая I «за границей при российских посольствах и миссиях числились 15 церквей» [Там же: 9–10]. Большая часть из них была в Европе, в восточных странах действовали Иерусалимская, Константинопольская, Пекинская миссии, «встал вопрос об учреждении православной церкви в Персии» [Там же: 14]. Открытие русского консульства в Японии является продолжением этой политики.

В штат дипломатических миссий и раньше входили священники, в обязанностях которых было духовное окормление русских подданных, а также изучение религии и культуры страны. В тоже время «штат посольских церквей, — отмечает Кудрявцева, — включал в себя протоиерея, священника, двух причетников и нескольких певчих» [Там же: 9]. В случае консульства в Хакодате первое время речь шла только о священнике. «Как правило, церковный штат в посольствах и миссиях России за границей возглавлял протоиерей, окончивший Духовную академию, получивший звание магистра, часто прошедший школу преподавания в качестве профессора в Духовных семинариях и в самой Академии, — отмечает в своем исследовании Кудрявцева. — Нередко они были почётными членами научных исторических и археологических обществ, писали исторические труды, знали не-

сколько европейских и древних языков» [Там же: 15]. При этом священник, прикрепленный к посольству, миссии или консульству, как духовное лицо зависел не только от Святейшего Синода и решений обер-прокурора, но и от Азиатского департамента, финансировавшего посольские храмы. Непосредственно на месте служения священник был подотчетен главе консульства, который «отвечал за весь штат своей миссии» [Там же: 16]. Так, например, назначенный «по Высочайшему Государя Императора повелению» в штат русского консульства в Японии протоиерей Василий Махов хотя и являлся флотским священником, но не был иеромонахом. При этом он получает предписание явиться в МИД «и ожидать от него дальнейших о себе распоряжений» [АВМФ. Ф. 410. Оп. 2–1. Д. 1536. Л. 27].

Возглавил русскую консульскую миссию коллежский советник И. А. Гошкевич, дипломат, переводчик и миссионер, участник Пекинской духовной миссии и участник первой дипломатической миссии Е. В. Путятин в Японию.

Накануне приезда миссии в Японию, в августе 1858 г., Е. В. Путятин подписывает новый договор между странами (в городе Эдо). По нему русские подданные получают право арендовать земли, покупать «находящиеся на этих землях дома и другие здания, также строить свои церкви, дома и магазины» (V), пользоваться «правом свободного и открытого вероисповедания». При этом японское правительство обязывалось прекратить «попирание предметов, служащих знаками их религии» (VII) [Дударец 2015: 107–109]. Таким образом, на дипломатическом уровне была подготовлена почва не только для полноценной работы консульства, но и для возможной в будущем миссионерской деятельности.

Миссия прибыла на остров Хоккайдо, в Хакодате 5 ноября 1858 г. и сразу стала устраиваться на новом месте: строить собственное здание, налаживать контакты с местными властями, завоевывать доверие простых японцев, строить храм при консульстве. Так, на одной из первых встреч русского консула Гошкевича с губернатором решался вопрос о выделении участка в Хакодате для консульского дома. Как и ожидалось, японские власти приняли решение выделить место за городом. Инструкция же МИДа ясно говорила о том, что консульский дом «должен находиться в городской черте». Не без настойчивости И. А. Гошкевичу удалось добиться выделения земельного участка в центральном районе. Консул осмотрел несколько мест в черте города и указал на них губернатору как наиболее желательные [Известия из Японии 1859: 57–63].

Сотрудникам консульства предстояло строительство собственного дома и церкви при нем, потому что, согласно предписанию Азиатского департамента, это должен был быть именно домовый храм [Щеглов 2015: 254]. Однако такой храм сложнее использовать в миссионерских целях. Поэтому консул И. А. Гошкевич настоял на том, чтобы храм был построен как отдельно стоящее здание при консульстве. Впоследствии именно это обстоятельство сначала спасет церковь от пожара, когда сгорят почти все консульские здания, а потом от сноса, когда консульство будет перенесено в другой город.

Строительство храма отдельным зданием на территории консульства было завершено в 1859 г., в то время как новые консульские здания были построены только в апреле 1860 г. Этот факт показывает, что для всех членов первой консульской миссии главным было устройство религиозного центра, а, значит, Россия и православие пришли в Японию всерьез и надолго. По свидетельству очевидца, морского офицера, в благоустройстве церкви принимали участие все члены дипломатической миссии: «С великим постом — новое занятие. При консульстве строилась церковь. Дамы украшали ее, а наши живописцы писали образа. Все душевно принимали участие в построении первого христианского храма в Японии, через 221 год после изгнания христиан» [Из Японии 1860: 160]. Этот же офицер, сообщая русскому читателю подробности об освящении (скорее всего, речь шла о водосвятном молебне) первого православного храма, писал о гонениях в Японии на католиков-христиан в XVI в., об обычае попирать ногами изображения Распятия и Богородицы. Смысл же присутствия православных русских людей в Японии морской офицер видел в восстановлении христианства. «И через два слишком столетия, — пишет морской офицер, — этот попорченный крест снова воздвигся. Нам, только что недавно видевшим Папенберг, с которого бросали католических монахов в море, удалось присутствовать при освящении христианского храма, поставленного во имя Воскресения, а на другой день видеть в этом храме португальца (матроса с китобойного судна), молящегося между нами. Странная случайность» [Из Японии 1860: 165].

В. И. Куликов называет военного инженера П. Н. Назимова человеком, который руководил строительством консульского дома, больницы и церкви [Куликов 2011: 177]. Свидетельства современников позволяют представить ее внешнее и внутреннее убранство. Одно из них оставлено

преосвященным Вениамином, епископом Камчатским, который в августе 1872 г. служил в этом храме⁵. «Она деревянная, — пишет он в своем рапорте в Святейший Синод, — и на каменном фундаменте; построена в русско-византийском стиле на самом высоком месте в городе, так что как бы господствует над всем городом, придавая и ему самому издали вид православного русского города» [Трухин 2013: 72–73]. Второе свидетельство принадлежит иеромонаху Анатолию (Тихаю), прибывшему в Японию зимой 1872 г. в качестве миссионера. Согласно его описанию, деревянный храм имел форму креста, часть здания — двухэтажная, «с колокольней, соединённой с храмом; стиль русско-византийский. Середина храма обозначается куполом, в основании шестигранным, а вверху закруглённым и, конечно, увенчанным крестом. И внешний вид его производит на русского человека приятное впечатление, напоминая родной край и родные храмы Господни; а внутренностью его восхищаются не одни русские, но и все иностранцы, посещающие и посещавшие его. Иконостас простой, деревянный, окрашен голубою масляною краской; колонки только золотятся несколькими линиями вдоль, а внизу под каждой иконой — простые резные из дерева, вызолоченные украшения. Все четыре местные иконы (Спасителя, Божией Матери, Рождества Иисуса Христа и Его Вознесения) прекрасной академической работы чисто византийского стиля; такой же работы и две иконы на северных дверях Архангела Михаила и южных — Архангела Гавриила. Царские врата резные, вызолочены; на них изображения 4-х евангелистов и Благовещения Пресвятой Богородицы. От клироса по правую сторону стоит большой крест, с изображением Распятого Спасителя, пред которым протестанты с особенным благоговением останавливаются; ...по левую сторону северного клироса и в четырёх местах по стенам церкви висят тоже превосходной академической работы иконы: Воскресение Иисуса Христа <...> изображение Иисуса Христа, показывающего бедную вдовицу с двумя лептами <...> На колокольне четыре колокола, из которых самый большой пудов в 50 отлит в Хакодате под руководством о. Николая (Архиепископа Николая. — *Примеч. Э. С.*). На самом верху колокольни помещение для библиотеки <...> хакодатская православная церковь смотрится довольно изящно, особенно внутри, и все иностранцы и иноверцы восхищаются благолепием её. В ней может

⁵ Православная духовная миссия в Японии была причислена к Камчатской епархии.

поместиться около 200 человек, может быть и больше, и в редкое богослужение наша церковь не занята больше, чем половиною или молящихся христиан, или из одного любопытства приходящих японцев...» [Саблина 2006: 165–167].

Консульский храм в Хакодате, открытый в самом начале царствования Александра II, стал первым евангельским семенем, упавшим на японскую почву. Официальные документы и публикации современников свидетельствуют о наличии миссионерских планов на храм у консула Гошкевича и других участников дипломатической миссии. И не случайно, что, по свидетельству современника, внутреннее и внешнее убранство храма вызывало восхищение у иностранцев и японцев.

Духовенство консульского храма

Первым священником консульского храма стал иеромонах Филарет, насельник Юрьева монастыря в Новгороде, благочинный судов Амурской флотилии. Он сопровождал русских дипломатов в Японию уже в июле 1858 г., когда те прибыли в Николаевск-на-Амуре. Его имя упоминается в письмах лейтенанта Назимова наряду с другими членами миссии [Известия из Японии 1859: 49]. Известно, что иеромонах был временно прикреплен к консульству военным губернатором Приморской области контр-адмиралом П. В. Казакевичем по просьбе Гошкевича [Кузнецов 2009: 113]. Впоследствии при консульской церкви он будет временно исполнять «духовные обязанности на обыкновенном морском содержании». Именно он «сподобился освятить первую православную церковь в Японии». О настоящем обстоятельстве русское консульство извещало генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского [АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/2, 1859. Д. 5. Л. 15–16]. Первые богослужения, в том числе в консульском храме, совершались о. Филаретом до тех пор, пока назначенный Святейшим Синодом священник не прибыл в Хакодате.

Настоятелем храма, назначенным Святейшим Синодом [Щеглов 2017: 149–150], стал протоиерей Василий Махов, отличившийся в первой экспедиции Путятина. Перед отправкой в Японию отец Василий был награжден камилавкой и получил «установленный для миссионеров за границую золотой наперсный крест» [Махов 1867: V–VI]. Протоиерей Василий Махов

приедет в Японию 13 июня 1859 г. «вместе со своим родственником (сыном. — *Примеч. А. С.*) титулярным советником Иваном Васильевичем Маховым, определенным на должность чтеца консульской церкви» [Щербина 2005: 87]. Однако понести полноценное миссионерское служение в качестве настоятеля консульской церкви 64-летний отец Василий не смог. Тоска по родине и по детям, сильный удушливый кашель, сырой климат в Хакодате тревожили его тело и душу⁶. Он подает прошение о возвращении на родину с одной мыслью: «хоть бы добраться до России; хоть бы умереть в Радубеже!» После получения положительного ответа, в июле 1860 г., он выезжает в Петербург, «не отслужив в Японии ни одной литургии» [Щеглов 2017: 154]. Как отмечает священник Николай Щеглов, первая литургия в храме Воскресения Христова в Хакодате была совершена иеромонахом Филаретом 13 ноября 1860 г. [Там же: 153].

Таким образом, в 1860 г. место настоятеля консульского храма стало вакантным, и Гошкевич пишет рапорт в МИД и Святейший Синод с просьбой прислать нового священника. МИД через Азиатский департамент определяло кадровый состав консульства, поэтому оно «вышло по сему предмету в сношение со Святейшим Синодом и Морским Министерством», о чем и извещало Гошкевича в ответном письме 16 марта 1860 г. [АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. 1860. Д. 3. Л. 8–9]. «Святейший Синод сообщил об этом предложении консула С.-Петербургскому митрополиту Григорию⁷, — пишет Н. А. Павлович, — а тот — Духовной академии, чтобы найти достойного кандидата» [Павлович 2008: 35].

Через три месяца Департамент известил консула о положительном решении вопроса по поводу нового настоятеля. В письме на имя Господина Российско-императорского консула в Хакодате от 28 июня 1860 г. сообщается, что исправляющий обязанности обер-прокурора Святейшего Синода уведомил МИД о назначении⁸ нового консульского священника, «рекомендуемого с отличной стороны Преосвященным Митрополитом

⁶ Похожие симптомы будут встречаться у некоторых других миссионеров, оказавшихся на служении в Японии.

⁷ Григорий (Постников), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, первоприсутствующий член Святейшего Синода (1784–1860, скончался 17/29 июня).

⁸ 8 июня 1860 г. Святейший Синод издает указ о назначении Ивана Касаткина настоятелем консульского храма в Хакодате.

С.-Петербургским». Им стал «студент высшего отделения здешней духовной Академии Иван Касаткин, который в непродолжительном времени будет пострижен в монашество⁹, согласно его желанию, и рукоположен в сан иеромонаха, с возведением в степень кандидата Академии» [АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/2. 1860. Д. 7. Л. 112]. При этом консулу поручалось принять от протоиерея Василия Махова золотой наперсный крест, полученный им на основании положения 1 мая 1820 г. для последующей передачи преемнику. В письме от 19 июля 1860 г. МИД уведомило консула о назначении иеромонаха Николая, имевшего «лестный отзыв» усопшего владыки, настоятелем церкви при консульстве [Там же: Л. 116]. Давшему монашеские обеты легче всего было соответствовать требованиям заграничных миссий, озвученным в рапорте русского консула к Святейшему Синоду.

Начало миссионерского служения иеромонаха Николая (Касаткина)

Путь молодого иеромонаха Николая на Дальний Восток, в Японию пролегал через всю Россию. В Николаевске он был вынужден остановиться из-за закрытия навигации. Там же произошло знакомство и личное общение с Иннокентием (Вениаминовым), бывшим в то время архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским. Отец Николай получит несколько жизненных уроков у будущего святителя, миссионера и просветителя народов Сибири и Аляски.

Второго июля 1861 г. иеромонах Николай прибывает на остров Хоккайдо. Первым, кто его встретил, стал русский консул И. А. Гошкевич. Н. А. Павлович говорит о том, что первая встреча двух миссионеров была прохладной: «отца Николая русский консул часами держал в передней, отдавая его на унижение перед язычниками и немедленно выбегая с распростертыми объятиями, когда ему докладывали, что русского консула удостоил посещением бонза». Н. А. Павлович делает предположение, что «видимо, молодость и несветские манеры присланного не вызывали в нем уважения». «Только позже, — пишет исследователь, — отец Николай сни-

⁹ 30 июня 1860 г. он принимает постриг с именем Николая, рукополагается в иеродиакона, а затем в иеромонаха.

скал доверие и теплое отношение дипломатического корпуса и даже иностранных христиан» [Павлович 2008: 38].

Несомненно, что на первых порах 47-летний И. А. Гошкевич был для молодого иеромонаха Николая не столько начальником, сколько скорее старшим товарищем и наставником. По словам переводчика и востоковеда Дмитрия Позднеева, «одинаково интересуясь изучением японского языка, они имели много общих тем для разговоров» [Позднеев 2012: 53]. Оба — выпускники одной Духовной Академии, оба — посвятили свою жизнь Востоку, оба свое служение связывали не столько с государством, сколько с Церковью.

Таким образом, иеромонах Николай (Касаткин) в первые годы своего пребывания в Японии не просто учился языку и изучал японскую культуру, но и перенимал миссионерский опыт Китайской духовной миссии у ее непосредственного представителя. Умение налаживать контакты с местными чиновниками, иностранными миссионерами и дипломатами, изучение языка, переводческая и публицистическая деятельность, обустройство школы для японцев, желающих изучать русский язык, строительство и благоустройство храма и многие другие начинания И. А. Гошкевича нашли свое достойное продолжение. В распоряжении молодого миссионера оказалась также библиотека консула.

С прибытием нового настоятеля начинается полноценная литургическая жизнь церковной общины. Постоянными прихожанами храма были члены дипломатической миссии, но, как пишет сам иеромонах Николай, «здесь русских православных и с младенцами не больше десятка» [Николай (Касаткин), иером. 1869: 247]. Непостоянными прихожанами хакодатского храма были моряки с русских военных судов. Именно они нередко собирали пожертвования на храм. Так, в декабре 1861 г. члены экипажей клипера «Наездник» и корвета «Посадник» собрали почти 300 руб. серебром. Деньги были использованы для строительства колокольни, отливки колокола и установку надгробий на русском кладбище [Гузанов 1991: 111–112].

Изучение языков необходимо для общения и живой проповеди. В то же время будущее церковной общины и храма в другой стране зависит от проповеди местному населению, для чего необходимо позаботиться о переводе богослужебных книг на родной для них язык. В первые годы своего пребывания в Японии святитель Николай перевел на японский язык четыре

Евангелия, Деяния апостолов, Соборные послания, послания апостола Павла к Галатам, Ефесянам, Филиппийцам и Колоссянам и половину Послания к Римлянам. Из богословской литературы святитель Николай переводит с китайского на японский язык «Православное вероисповедание» святителя Дмитрия Ростовского, Катехизис для оглашенных, краткую Священную историю Ветхого Завета, утренние и вечерние молитвы, а со славянского языка — «Обряд присоединения иноверных и крещения» [Николай (Касаткин), иером. 1869: 248–249].

Необходимость перевода последнего чина была вызвана как крещением самих японцев, так и просьбами морских офицеров русских судов о крещении иноверцев из числа команды. Так, например, командующий винтовым клипером «Наездник», находящийся на Хакодатском рейде, 28 февраля 1862 г. пишет письмо в консульство с просьбой о крещении кочегара-магометанина, решившего принять православную веру. В письме консулу он сообщает, что командир не находит к этому препятствий и просит содействовать этому вопросу через консульскую церковь [АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате 1862. Оп. 572/2. Д. 12. Л. 39].

В апреле 1865 г. русский дипломат, миссионер, переводчик и ученый Иосиф Гошкевич уезжает в Россию. Простой анализ сложной и объемной делопроизводственной документации консульства говорит о том, что Гошкевичу невозможно было совмещать свои дипломатические обязанности с наукой и миссионерством. Проблемы с финансовой отчетностью, смерть супруги, пожар в консульстве, уничтоживший часть собранной Гошкевичем научной коллекции, повлияли на его решение оставить должность.

Таким образом, подходил к концу подготовительный период распространения Православия в Японии. Уже к 1867 г., т. е. через шесть лет после приезда в Японию и спустя три года после овладения разговорным японским языком, святитель Николай пишет, что мог бы покрестить девятерых японцев [Письма Николая (Касаткина) 2007: 309]. Первые три японца были крещены им в мае 1868 г.: «они стали его первыми помощниками в создаваемой им Японской Православной Церкви, первыми проповедниками христианства в Японии, особенно в тех областях, куда отец Николай, как иностранец, не имел доступа» [Саблина 2006: 43]. Всего же, по свидетельству иеромонаха Анатолия (Тихая), в церкви Воскресения Христова с 1858 по 1874 гг. было крещено 297 человек [Саблина 2006: 165–167].

* * *

Итак, на дипломатическом уровне были заключены договоры с Японией, которые подготавливали почву для будущего распространения Православия. Когда после подписания Симодского трактата началась подготовка консульской миссии, Е. В. Путятин также настойчиво предлагает расширить состав консульства, включив в него священника-миссионера. Его предложения находят поддержку сначала у главы Морского министерства, а потом и в Амурском комитете с резолюцией Александра II. Еще на этапе формирования консульской миссии (1856) Путятиным были очерчены три функции консульского священника: осуществление религиозных потребностей членов Миссии, окормление членов команд военных и коммерческих судов, изучение японских религий и наблюдение за миссионерской деятельностью католиков и протестантов «с целью действовать впоследствии на распространение Христианства». На этапе формирования состава консульской миссии в Японию появляется идея о строительстве при консульстве православного храма. Изучение архивных документов свидетельствует о наличии миссионерских задач во время формирования данной миссии, что подтверждается планом строительства храма в качестве отдельно стоящего здания на территории консульства.

Путятин в Эдо подписывает с японской стороной договор, предоставлявший русским подданным право строить храм, свободно и открыто исповедовать христианство, не опасаясь преследования. Указанный трактат являлся продолжением Симодского договора и дипломатической политики Николая I.

Консульский храм в Хакодате был открыт в период после Крымской войны. Как и от других русских заграничных духовных миссий, от настоятеля храма ожидалась широкая деятельность, в том числе миссионерская. Действия священника должны были быть согласованы с тремя учреждениями (Азиатским департаментом, Синодом и обер-прокурором). Особенность русского консульства в Японии заключалась в том, что Морское министерство выделяло значительную часть средств не только на содержание больницы, школы, доктора, морского офицера, но и на священника. Священник консульства подчинялся также главе консульства, отвечавшему за всю дипломатическую миссию.

Другая отличительная черта первой консульской миссии в Японию — миссионерский настрой всех ее членов, начиная с консула Гошкевича

и заканчивая врачом и военным инженером. Строительство храма для сотрудников консульства стало символом восстановления попорченного двести лет назад Креста. Украшение и убранство храма осуществлялось не только для удовлетворения нужд членов миссии и русских моряков, но и для привлечения к Православию японцев.

Рассмотрев служение первых священников консульской миссии, мы можем сделать вывод о наличии преемственности в их миссионерском служении. Прежде всего преемственность обеспечивалась активной миссионерской позицией графа и вице-адмирала Е. В. Путятина и русского консула И. Гошкевича. Последний в своем запросе в МИД и Синод (1860) точнее определил миссионерские задачи будущего настоятеля: помимо пастырских и ученых трудов от консульского священника ожидалось неофициальные попытки по «распространению христианства».

Органы власти Российской империи осуществляли свои функции во взаимодействии начиная с решений Амурского комитета. Например, Святейший Синод назначил настоятеля в русское консульство, но при этом предписал явиться в МИД для дальнейших распоряжений. В свою очередь Азиатский департамент МИДа входил в сношение по всем вопросам, включая кадровый, с Морским министерством, обер-прокурором, губернаторами и консульством. Само консульство имело регулярные сношения с военными губернаторами Приморской области, Восточной Сибири, согласовывая с ними назначение временного священника. По запросу русского консула МИД и Святейший Синод ищут кандидата на место настоятеля консульской церкви.

Выдающиеся качества первых настоятелей консульского храма позволили на каждом из этапов достичь определенных результатов. Благочинный судов Амурской флотилии иеромонах Филарет до прибытия постоянного священника обеспечил духовные потребности сотрудников консульства. Протоиерей Василий Махов, дважды побывавший в Японии и предложивший идею строительства храма как отдельного здания, стал связующим звеном между первой дипломатической миссией в Японию и миссионерской деятельностью иеромонаха *Николая (Касаткина)*.

Личная встреча двух будущих святителей — архиепископа Иннокентия (Вениаминова) и иеромонаха Николая (Касаткина) — позволяет сделать вывод о преемственности апостольского служения в Японии. Первые миссионерские шаги иеромонаха Николая (Касаткина) под руководством

Иосифа Гошкевича свидетельствуют о преемственности с Китайской духовной миссией. С появлением святителя Николая храм Воскресения Христова начинает выполнять функции миссионерского центра. Миссионерские труды в школе и в больнице при консульстве, первые переводы на японский язык христианской литературы, устройство православного храма, крещение первых японцев и моряков-иноверцев в консульском храме — вот перечень инструментов, которыми должен был овладеть настоятель хакодатской церкви.

Мы можем с уверенностью сказать, что консульский храм в честь Воскресения Христова, открытый в японском городе Хакодате в 1859 г., в полной мере может считаться точкой отсчета Православия в Японии.

Источники

АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/2. 1859. Д. 5.

АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/1. 1860. Д. 3.

АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/2. 1860. Д. 7.

АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/2. 1862. Д. 12.

АВМФ. Ф. 410. Оп. 2–1. Д. 1074. О заключении в г. Синода 26 января 1855 г. договора о границах и торговле между Россией и Японией; командировании в Японию капитана 1 ранга К. Н. Посьета для ратификации договора, инструкциях в.-адм. Е. В. Путятину и капитану К. Н. Посьету.

АВФМ. Ф. 410. Оп. 2–1. Д. 1536. О назначении в русское консульство в Хакодате (Япония) врача, морского офицера и священника, приобретении места для устройства угольного склада, определены расходы на содержание консульства; упразднении должности морского офицера. 1858–1866.

Известия из Японии // Морской сборник. Санкт-Петербург, 1859. № 5.

Из Японии // Морской сборник. Санкт-Петербург, 1860. № 1.

Махов Василий, прот. Фрегат «Диана». Путевые заметки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова. Санкт-Петербург : Издание товарищества «Общественная польза», 1867.

Николай (Касаткин), иером. И в Японии жатва многа... Письма русского из Хакодате // Христианское чтение. 1869. № 2.

Письма Николая (Касаткина) бывшему русскому консулу в Японии Гошкевичу И. А. / подготовил к публикации В. А. Онищенко // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. № 14. Владивосток, 2007.

Трухин В. Н. Российская духовная миссия в Японии в документах и материалах. 1870–1879 гг. Москва : Эдитус, 2013.

Литература

Августин (Никитин), архим. И. А. Гошкевич — миссионер, дипломат, востоковед // Врата небесные: духовно-просветительный журнал / учредитель ООО «Врата». 2011. № 10.

Боголюбов А. М. Российская Духовная Миссия в Японии в конце XIX — начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2004.

Гавриков А. А. Публицистическая деятельность членов российской духовной миссии в Японии как канал русско-японской межкультурной коммуникации: 1860-е–1917г. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012.

Гузанов В. Г. Кресты на чужбине (о русских некрополях в Японии) // Дальний Восток. 1991. № 12.

Дударец Г. И. Государственный канцлер А. М. Горчаков и решение сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск, 2015.

Ермакова Л. М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. Москва, 2005.

Зенина Л. В. Японские ученые о русской духовной миссии в Японии // Православие на Дальнем Востоке: Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836–1912. Сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т, С.-Петербург. православ. духов. акад.; редкол.: М. Н. Боголюбов (отв. ред.) и др. 1996. Вып. 2.

Иванова Г. Д. Архиепископ Николай и его японские ученики // Из истории общественной мысли Японии XVII–XIX веков / отв. ред. В.Н. Горегляд. Москва : Главная редакция восточной литературы «Наука», 1990.

Иванова Г. Д. Жизнь и деятельность святителя Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке: Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836–1912. Сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т, С.-Петербург. православ. духов. акад.; редкол.: М. Н. Боголюбов (отв. ред.) и др. 1996. Вып. 2.

- Кадзухико С. И. А. Гончаров и его знакомые японцы в Петербурге // Материалы международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
- Кудрявцева Е. П. Российские посольские церкви и священнослужители при Николае I // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 6 (57).
- Кузнецов А. П. Первый консул России в Японии. Иосиф Антонович Гошкевич. Санкт-Петербург, 2009.
- Куликов В. И. Ведению консульства подлежат... // Исторический архив. 2011. № 1.
- Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. Москва, 2009.
- Накамура С. Японцы и русские: из истории контактов. Москва, 1983.
- Обухова Н. И. Иосиф Антонович Гошкевич — миссионер, дипломат, лингвист, востоковед. Минск, 2019.
- Павлович Н. А. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай. Москва, 2008.
- Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский (воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / сост. Г. Е. Бесстремянная. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. 2-е изд.
- Саблина Э. Б. 150 лет Православия в Японии: история Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай. Москва; Санкт-Петербург, 2006.
- Сосна Н. А. Амурский комитет и его роль в политике России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2.
- Степанов А. Н. Миссионерские задачи дипломатических экспедиций Е. В. Путятина в Восточную Азию (1852–1858) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 38.
- Степанов А. Н. Миссионерские задачи первого российского консульства в Японии (1858–1865) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 118.
- Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875. Москва, 1960.

- Хохлов А. Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина // Восток. Москва, 1994. № 5.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века) / Отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2010.
- Шаталов О. В. Начальный этап деятельности Российской Духовной Миссии в Японии: 1870–1875 гг. (Опыт исторической реконструкции на основе архивных материалов) // Православие на Дальнем Востоке: Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836–1912. Сб. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т, С.-Петерб. православ. духов. акад.; редкол.: М. Н. Боголюбов (отв. ред.) и др. 1996. Вып. 2.
- Щеглов Николай, иер. Воскресенский храм в Хакодате и его первый настоятель протоиерей Василий Махов // Угрешский сборник. Труды преподавателей и магистрантов Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Москва, 2017. Вып. 6.
- Щеглов Николай, иер. Иосиф Гошкевич — востоковед, миссионер и дипломат // Церковь и время. 2015. № 4.
- Щербина А. А. «Принужденный зимовать в Николаевске, прошу обеспечить меня средствами содержания...» // Материалы РГИА ДВ об архиепископе Японском Николае и российском консульстве в Хакодате. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2005.

References

- Avgustin (Nikitin), arhimandrit [I. A. Goshkevich — missionary, diplomat, orientalist]. *Vrata nebesnye: duhovno-prosvetitel'nyj zhurnal* [Gates of heaven: a spiritual and educational magazine]. 2011, no. 10. (In Russ.)
- Bogolyubov A.M. *Rossijskaya Duhovnaya Missiya v Yaponii v konce XIX-nachale XX veka. Diss. kand. istorich. nauk* [The Russian Church Mission in Japan at the end of the XIX — beginning of the XX century. Dr. hist. sci. diss.]. St. Petersburg, 2004.
- Cherevko K. E. *Rossiya na rubezhah Yaponii, Kitaya i SSHA (2-ya polovina XVII — nachalo XXI veka). Otv. red. O. A. Platonov* [Russia on the borders of Japan, China and the USA (the 2nd half of the XVII – the beginning of the

XXI century). Ed. O. A. Platonov]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2010.

Dudarec G. I. *Gosudarstvennyj kancler A.M. Gorchakov i reshenie sahalinskogo voprosa* [State Chancellor A.M. Gorchakov and the solution of the Sakhalin issue]. YUzhno-Sahalinsk, 2015.

Ermakova L.M. *Vesti o YAPAN-ostrove v starodavnej Rossii i drugoe* [News about Yapan Island in ancient Russia and more]. Moscow, 2005.

Fajnbereg E.YA. *Russko-yaponskie otnosheniya v 1697–1875* [Russian-Japanese relations in 1697–1875]. Moscow, 1960.

Gavrikov A. A. *Publicisticheskaya deyatel'nost' chlenov rossijskoj duhovnoj missii v Yaponii kak kanal russko-yaponskoj mezhkul'turnoj kommunikacii (1860-e-1917g.)*. Diss. kand. istorich. nauk [Journalistic activity of members of the Russian Church mission in Japan as a channel of Russian-Japanese intercultural communication (1860s–1917). Dr. hist. sci. diss.]. Irkutsk, 2012.

Guzanov V.G. [Crosses in a foreign land (about Russian necropolises in Japan)]. *Dal'nij Vostok* [The Far East], 1991, no. 12. (In Russ.)

Ivanova G. D. [The life and work of St. Nicholas of Japan]. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: Pamyati svyatitelya Nikolaya, apostola Yaponii. 1836–1912. Vyp. 2. (Sb. st.)*. S.-Peterb. gos. un-t, S.-Peterb. pravoslav. duhov. akad.; Redkol.: M. N. Bogolyubov (otv. red.) i dr.) [Orthodoxy in the Far East: In memory of St. Nicholas, Apostle of Japan. 1836–1912. Collection of articles. St. Petersburg State University, St. Petersburg Orthodox Theological Academy; editorial board: M. N. Bogolyubov (ed.) and others. Issue 2]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)

Ivanova G.D. [Archbishop Nicholas and his Japanese disciples]. *Iz istorii obshchestvennoj mysli Yaponii XVII-XIX vekov / Otv. red. V.N. Goreglyad* [From the history of public thought in Japan of the XVII–XIX centuries. Ed. by V.N. Goreglyad]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russ.)

Kadzhuhiko S. [I. A. Goncharov and his Japanese acquaintances in St. Petersburg]. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 185-letiyu so dnya rozhdeniya I.A.Goncharova* [Proc. of the Int. conf. dedicated to the 185th anniversary of the birth of I. A. Goncharov]. Ulyanovsk, 1998. (In Russ.)

- Khokhlov A.N. [Training of Russian Japanese translators in Japan and I. D. Kasatkin's activities]. *Vostok [East]*, Moscow, 1994, no. 5. (In Russ.)
- Kudryavceva E.P. [Russian embassy churches and clergy under Nicholas I]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. 2017, no. 6 (57). (In Russ.)
- Kulikov V.I. [Are subject to the jurisdiction of the consulate ...]. *Istoricheskij arhiv [Historical Archive]*, 2011, no. 1. (In Russ.)
- Kuznecov A. P. *Pervyj konsul Rossii v Yaponii. Iosif Antonovich Goshkevich [First Consul of Russia in Japan. Joseph Antonovich Goshkevich]*. St. Petersburg, 2009.
- Meshcheryakov A.N. *Imperator Mejdzi i ego Yaponiya [Emperor Meiji and his Japan]*. Moscow, 2009.
- Nakamuro S. *Yaponcy i russkie: iz istorii kontaktov [Japanese and Russians: from the history of contacts]*. Moscow, 1983.
- Obuhova N.I. *Iosif Antonovich Goshkevich — missiонер, diplomat, lingvist, vostokoved [Iosif Antonovich Goshkevich as a missionary, diplomat, linguist, orientalist]*. Minsk, 2019.
- Pavlovich N.A. *Svyatoj ravnoapostol'nyj arhiepiskop Yaponskij Nikolaj [The Holy Equal-to-the-Apostles Archbishop Nicholas of Japan]*. Moscow, 2008.
- Pozdneev D. [Archbishop Nicholas of Japan (memoirs and characteristics)]. *Svyatitel' Nikolaj Yaponskij v vospominaniyah sovremennikov. Sost. G. E. Besstremyannaya. 2-e izd. [St. Nicholas of Japan in the memoirs of contemporaries. Comp. by G. E. Besstremyannaya. 2nd ed.]*. Sergiev Posad, Holy Trinity Sergiev Lavra Publ., 2013. (In Russ.)
- Sablina E.B. *150 let Pravoslaviya v Yaponii: istoriya Yaponskoj Pravoslavnoj Cerkvi i ee osnovatel' Svyatitel' Nikolaj [150 Years of Orthodoxy in Japan: the History of the Japanese Orthodox Church and its founder, St. Nicholas]*. Moscow; St. Petersburg, 2006.
- SHatalov O. V. [The initial stage of the activity of the Russian Ecclesiastical Mission in Japan. 1870–1875. (An attempt of historical reconstruction based on archival materials)]. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: Pamyati svyatitelya*

Nikolaya, apostola Yaponii. 1836–1912. Vyp. 2. (Sb. st.). S.-Peterb. gos. un-t, S.-Peterb. pravoslav. duhov. akad.; (Redkol.: M. N. Bogolyubov (otv. red.) i dr.) [Orthodoxy in the Far East: In memory of St. Nicholas, Apostle of Japan. 1836–1912. Collection of articles. St. Petersburg State University, St. Petersburg Orthodox Theological Academy; editorial board: M. N. Bogolyubov (ed.) and others]. St. Petersburg, 1996, issue 2. (In Russ.)

SHCHeglov, ier. Nikolaj. [Iosif Goshkevich — Orientalist, missionary and diplomat]. *Cerkov' i vremena* [Church and time], 2015, no. 4. (In Russ.)

SHCHeglov, ier. Nikolaj. [The Resurrection Church in Hakodate and its first rector, Archpriest Vasily Makhov]. *Ugreshskij sbornik. Trudy prepodavatelej i magistrantov Nikolo-Ugreshskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Ugreshsky collection. The works of teachers and students of the Nikolo-Ugresh Orthodox Theological Seminary]. Moscow, 2017, issue 6. (In Russ.)

SHCHerbina, Anatolij Aleksandrovich. [“Forced to winter in Nikolaevsk, I ask you to provide me with means of maintenance...”]. *Materialy RGIA DV ob arhiepiskope YAponskom Nikolae i rossijskom konsul'stve v Hakodate* [Materials of the RGIA DV about Archbishop Nicholas of Japan and the Russian consulate in Hakodate]. Vladivostok, the Far East University Publ., 2005. (In Russ.)

Sosna N.A. [Amur Committee and its role in Russia's policy in the Far East in the second half of the 1850s.]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research], 2019, no. 2. (In Russ.)

Stepanov A. N. [Missionary tasks of E. V. Putyatin's diplomatic expeditions to East Asia (1852–1858)]. *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. 2022, no. 38. (In Russ.)

Stepanov A.N. [Missionary tasks of the first Russian Consulate in Japan (1858–1865)]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [Bulletin of the PSTSU. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church]. 2024, issue 118. (In Russ.)

Zenina L.V. [Japanese scientists on the Russian spiritual mission in Japan]. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: Pamyati svyatitelya Nikolaya, apostola Yaponii. 1836–1912. Vyp. 2. (Sb. st.). S.-Peterb. gos. un-t, S.-Peterb. pravoslav.*

duhov. akad.; Redkol.: M. N. Bogolyubov (otv. red.) i dr.) [Orthodoxy in the Far East: In memory of St. Nicholas, Apostle of Japan. 1836–1912. Collection of articles. St. Petersburg State University, St. Petersburg Orthodox Theological Academy; editorial board: M. N. Bogolyubov (ed.) and others. Issue 2]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)